

ГОРОДСКИЕ НЕКРОПОЛИ

Городские кладбища пока редко получают статус памятников истории. Их уничтожали, застраивали, превращали в парки. Однако кладбища играют важную роль в жизни общества: их эмоциональное воздействие несомненно — это память о прошлых поколениях, о тех, чьими руками созданы материальные и духовные богатства.

Кладбища — памятники, изображения умерших, эпитафии — напоминают о тысячах трагедий. Смерть человека, даже если она настигала его в глубокой старости, всегда воспринималась как несчастье. Этот отзвук прошлых потрясений, сожаление о прекращении жизни мыслящего и полного надежд существа, часто неожиданной или ускоренной тяжелыми обстоятельствами, — воздействует на любого, даже случайного посетителя мест скорби.

Еще свежи в памяти многочисленные случаи варварского разрушения кладбищ, превращения их в места увеселений. Совершенно справедливы слова писателя В. Распутина: «Я бы хотел поговорить еще о кладбищах. Это тоже входит в систему патриотического воспитания. Как это можно из кладбища черт те что делать?! Стадионы и танцплощадки. Вот собираются в Лисихе разбить новый парк. Один ответственный товарищ мне сам говорил. Неужели нельзя найти другое место? Почему нужно непременно на

костях своих родителей отплясывать?! Это ведь тоже влияет на систему нравственных отношений человека... Кладбище производит большое воспитательное не действие даже, а действо. Человеку туда уходить. Святое чувство к ушедшему должно присутствовать, что мы жили не зря, что мы пришли не просто повеселиться здесь, а должны оставить добрые дела. Что тебя помнить будут. От беспамятства много дурного и в отношениях наших»¹.

Кладбища, даже прекратившие свое формальное существование, должны получить статус недвижимых памятников еще и потому, что редко удается уничтожить его полностью. Ликвидация оград, памятников, надмогильных холмиков не уничтожает кладбища до конца, поскольку в земле продолжают оставаться останки захороненных. Кладбище может частично сохраниться даже при застройке его территории, если оно не разрыто и не перекопано полностью на большой глубине. Поэтому рассказ об исчезнувших и существующих ныне кладбищах города имеет не только познавательное, но и чисто практическое значение: при строительных работах можно встретить остатки прежних захоронений, и в этом случае очерк о кладбищах поможет уточнить, к какому кладбищу принадлежали захоронения, и дать предположительную их датировку.

По канонам православия покойников следовало хоронить в «освященной» земле, то есть поблизости от церкви. Поэтому до 1772 г. умерших горожан хоронили, как правило, при церквях. Древнейшими иркутскими церквями были Спасская, Богоявленская, Знаменская монастырская, Крестовоздвиженская, Троицкая, Харлампьевская — все эти церкви сохранились и возникли (большинство сначала были деревянными) в

---

¹ Вост.-Сиб. правда. 1987. 15 марта.

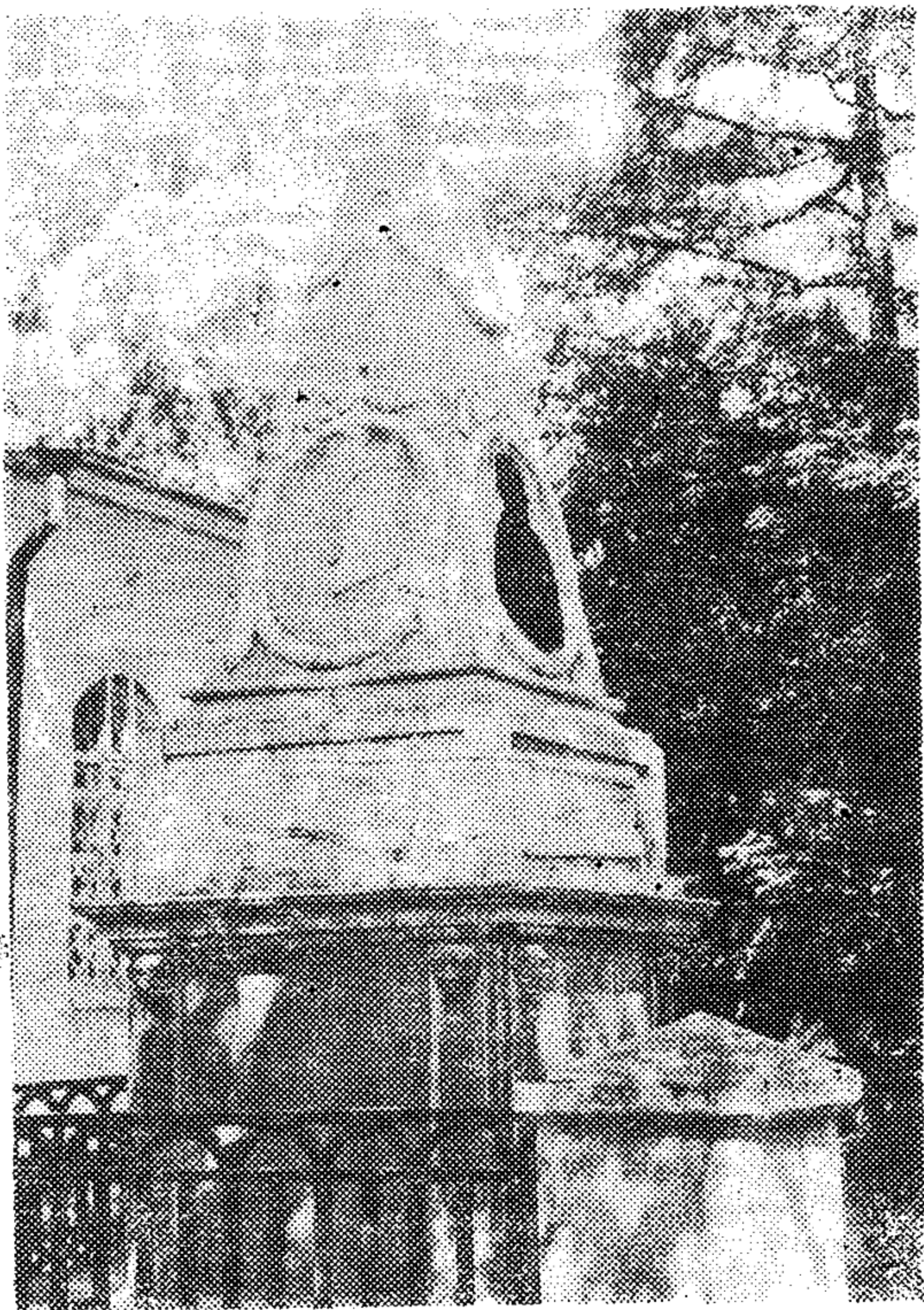

конце XVII — первой половине XVIII в. Кроме того, существовали церкви, которых уже нет или их облик очень изменен. Таковы Владимирская (деревянная, основана в 1718 г., затем заменена каменной, очень пострадала от приспособления под фабрику (ул. Декабрьских Событий, 3). В 1703 г. выстроена Чудотворская церковь Проконпия и Иоанна, устюжских чудотворцев (располагалась на углу современных улиц Цэсовской Набережной и Богграда. Сейчас на этом месте четырехэтажный жилой дом). В 1706 г. завершено строительство Тихвинской церкви (ныне здесь здание треста Востсибуголь). Благовещенская церковь, существовавшая с 1758 г., располагалась на современной улице К. Маркса, рядом с пересечением ее ул. Володарского. Теперь здесь правое крыло большого жилого дома.

Ограды церквей в XVIII в. служили как бы небольшими кладбищами; иногда хоронили даже в самих церквях, под полом. Эти захоронения много раз обнаруживались при строительных и земляных работах. Так, при рытье траншеи глубиной более двух метров вблизи ограды Спасской церкви в 1902 г. были найдены древние захоронения русских в колодах, причем два скелета с кандалами. Археологическое обследование цоколя церкви в 1966 г. дало более десятка детских захоронений в колодах. При мощении Тихвинской улицы (ныне Сухэ-Батора) в 1909 г. около ограды Тихвинской церкви также были обнаружены скелеты. В ограде этой церкви иногда хоронили даже в XX в.: в 1912 г. здесь во время рытья могилы был обнаружен скелет со скованными костями рук. Из «Иркутской летописи» известно, что в 1791 г. в этой же ограде был погребен иркутский губернатор М. М. Арсеньев.

Много иркутян похоронено в ограде Знаменского монастыря — среди них мореплаватель Г. И. Шелихов, декабристы. Здесь же погребены

Памятник на могиле Григория Шелиуова

чиновник особых поручений В. М. Муравьев, племянник генерал-губернатора Муравьева-Амурского (1849), а через два года — подполковник С. К. Клайгенс.

Немало погребений в ограде Богоявленского собора. При его реставрации в 1980 г. обнаружены две надгробные плиты из песчаника, вмурованные в наружную стену собора. Обе они посвящены женам крупнейших иркутских купцов Ворошиловых, имевших соляные варницы в Усть-Куте. Одну из плит следует считать древнейшей датированной надмогильной надписью в Иркутске: «1766 году апреля 1 дня преставися раба Божия иркутского купца Ивана <...>на Ворошилова жена его вторая Евдокия Федорова дочь Поживе 28 лет...» Вторая плита с несохранившейся датой также относится к XVIII в. и посвящена жене купца Василия Ворошилова Ульяне Ивановне, умершей в возрасте 42 лет. Под полом церкви были похоронены архимандрит Пахомий (1776), иркутские епископы Софроний (1771), Михаил Миткевич (1789), Вениамин (Багрянский) (1814), архиепископ Михаил (Бурдуков) (1830).

Во время реставрации Троицкой церкви рядом с храмом была обнаружена большая могильная плита из песчаника. Кусок плиты отколот, и верхняя часть текста читается с трудом. Все же удастся выяснить, что похоронен здесь «караванной казак» Лука Прокопьев. Дату смерти можно определить приблизительно 1830-ми годами. Караванные казаки занимались сопровождением и охраной транспортов с драгоценными металлами, которые отправлялись из Сибири в Петербург. Нижняя часть читается полностью: «Поживе от роду 29 лет. Родился октября 18 числа». Сравнивая этот текст с надгробными надписями второй половины XVIII в., можно сказать, что существовали даже особенности стиля иркутской эпитафии («поживе... лет»).